

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81`255.2

ОППОЗИЦИЯ «МАСКУЛИННОСТЬ – ФЕМИНИННОСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ» В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

К.А. Гудий

Тверской государственной университет, Тверь

Рассматривается бинарная оппозиция «маскулинность – фемининность» персонажей в переводе художественных текстов, а именно их наименований на материале русского, английского и французского языков.

Ключевые слова: гендер, маскулинность, фемининность, перевод.

Систематическое изучение взаимосвязи языка и гендера и порождённой оппозиции «маскулинности – фемининности» началось в лингвистике в 60–70-е гг. XX в., в период роста исследований прагматических аспектов языка, развития социолингвистики и изменения ролей мужчин и женщин в обществе. В лингвистическом описании термин «гендер» трактуется как социокультурный концепт, формирующийся в рамках системы этнически обусловленных стереотипных представлений [1]. В этой связи гендер охватывает совокупность социальных и психологических процессов, культурных установок относительно образа мужчины и женщины, их типичного поведения, влияющих на поведение индивида, на выбор его социальной стратегии, он является центральной категорией изучения в лингвистической гендерологии.

В настоящее время гендерные исследования идут по шести направлениям:

- социолингвистические гендерные исследования;
- феминистская лингвистика;
- гендерные исследования, изучающие оба пола;
- исследования маскулинности и фемининности;
- психолингвистическое изучение пола (вместе с биодетерменистским направлением);
- кросскультурные и лингвокультурные исследования [5: 42–43].

Связь между именем и гендерной характеристикой его носителя была отмечена уже в античности: «...так, например, в интерпретации имён мужского или женского рода появилась оценочность: мужским именам приписывалась семантика силы, активности, энергии, а именам женского рода – пассивность и подчинённость». Соответственно, словам женского рода приписываются свойства лиц женского пола, словам мужского рода – свойства лиц мужского пола. Например, грех в немецком сознании ассоциируется с женщиной, так как «грех – слово женского рода, можно предположить, что грамматический род имени активизирует в сознании фреймы, связанные с концептом биологического пола, и участвует в формировании оценочности» [цит.раб.: 38].

Согласно А.В. Кирилиной, часто мы наблюдаем отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих европейских языках они обозначены одним словом: «man» в английском, «homme» во французском. Имена существительные женского рода, как правило, являются производными от мужских и

имеют негативную оценочность, в то время, как применение мужского обозначения к референту-женщине повышает её статус; существительные мужского рода могут указывать на лица любого пола; фемининность и маскулинность резко противопоставляются друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценки) и в количественном отношении (доминирование мужского как общечеловеческого)» [цит.раб.: 47].

Рассмотрим пример разобранного в работе Т.М. Беловой, концепта «masculinité» («мужественность») во французском языке. «Он представляет собой совокупность следующих когнитивно-семантических признаков: активность, энергичность, смелость (отсутствие таких признаков, как доброта, нежность, характерных для оценки женской гендерной роли)» [2: 2]. Что касается структуры концепта «fémininité» («фемининность») во французском языке, то он образуется следующими когнитивно-семантическими признаками: красота, уродливость, пассивность, глупость, неряшливость, кокетливость, строгость или лёгкость в поведении. Остановившись подробно на противопоставлении стереотипа маскулинности и фемининности на примере английского языка («man – woman»), можно заметить, что «первый член данной оппозиции «man» доминирует над вторым членом, так как является сам по себе репрезентативным для целой категории «human being» (слово «man» способно замещать всю категорию, то есть указывать на лица мужского и женского пола) [7: 207].

При анализе одушевленных и неодушевленных существительных в английском языке выяснилось, что, несмотря на отсутствие гендерных маркеров, одушевленные существительные автоматически категорируются по полу референта, а неодушевленные и абстрактные существительные вводятся в поле гендерной репрезентации через приписывание их референтам признаков, трактуемых как маскулинные и фемининные» [цит.раб.: 849]. Например, названия красивых и грациозных животных соотносятся с женским родом, а названия сильных и агрессивных – с мужским. Приписывание женского рода может осуществляться на основании отрицательных качеств (слабость и хитрость), а приписывание мужского рода может быть позитивным (сила и масштаб) и негативным – при репрезентации предмета как чего-то огромного и неприятного. Более того, «маскулинность» и «фемининность» нельзя заменить русскими понятиями – «мужественность» и «женственность», поскольку русское слово «мужественность» обозначает не столько совокупность мужских качеств, сколько морально-психологическое свойство, одинаково приветствуемое у обоих полов.

Гендерная маркированность языка в первую очередь проявляет себя в переводе в силу асимметрии языковых систем, которая предполагает, что одно и то же существительное в разных языках может относиться к разным родам. Яркий пример проявления этой асимметрии, влияющей и на семантику перевода – басня «*La Cigale et la Fourmi*» Жана Лафонтена и её перевод на русский язык «Стрекоза и муравей», выполненный И. А. Крыловым. В оригинале «муравей» женского рода. К женскому роду относится и слово «стрекоза», означающее южную неумолчную певунью цикаду. Муравья французы, как и мы, испокон веков считают образцом трудолюбия и домовитости. Поэтому у Лафонтена очень легко и изящно сложился образ двух болтающих у порога муравьиного жилища женщин-кумушек: хозяйственная муравьяха отчитывает легкомысленную певу-

ню цикаду. В русском же варианте басни изменилось основное: одним из беседующих оказался «крепкий мужичок», а никак не «кумушка». Соответственно, вместо перевода И.А. Крылов написал новую, уже собственную басню. В ней всё не похоже на Лафонтена: разговор происходит не между двумя кумушками, а между соседом и соседкой, между „скопидомом“ муравьём и беззаботной «попрыгуньей» стрекозой.

«Не оставь меня, кум милый!» — пищит она.
«Кумушка, мне странно это!» — отвечает он [6: 45].

Следовательно, этот вариант басни невозможно назвать переводом, поскольку содержание оказывается сильно искажённым из-за смены пола персонажей. Это заимствованное, но новое по своему смысловому наполнению произведение.

Далее, в переводе (Б. Заходера) произведения «Винни-Пух и все-все-все» А. Милна имя Винни оказывается мужским, и то, что оно на самом деле женского рода в оригинале, большинству русских читателей неведомо. Единственный намёк на это, оставшийся у Заходера, — указание на медведицу в зоопарке, в честь которой назван Винни-Пух [4: 2]. Пух — это прозвище, поскольку перед ним следует определённый артикль: *Winnie-the-Pooh*, как перед прозвищами королей и эпических героев. Комизм имени состоит не только в гендерной инверсии, но и в несоответствии эпической формы имени его случайному содержанию. Если бы это был русский медведь, его возможно звали бы Винния Пыхович.

Перейдём к переводам сказки Л. Кэрролла «Алисы в стране чудес», которая является полигоном для переводческих решений. У Л. Кэрролла присутствуют как минимум четыре персонажа мужского пола, именованные которых в словарном переводе на русский язык приобретают грамматический женский род: *Mouse*, *Caterpillar*, *Dormouse*, *the Mock Turtle* (Мышь, Гусеница, Соня, Фальшивая Черепаха). Больше всех повезло *the Mock Turtle*: большинство переводчиков поняли необходимость передать мужской пол персонажа. «Возможно, благодаря эксплицитности контекста: *the Mock Turtle* и его соученик Грифон предаются воспоминаниям о школе, а в XIX веке ни в Англии, ни в России юноши и девушки не обучались в школах совместно. Следовательно, оба рассказчика должны быть одного пола» [цит. раб.: 3]. Несчастный *Dormouse* также поменял пол у переводчиков, видимо, под влиянием русского женского имени Соня. Два переводчика пытаются употреблять слово “Соня” в мужском роде, добавляя к нему слово “зверек” (В. Набоков, Н. Стариков), и только А. Кононенко подыскал любопытный вариант замены: Сурок. Вариант А. Кононенко удовлетворяет всем основным условиям функциональной эквивалентности: это название грызуна, оно мужского рода и также связано с темой сна («спит как сурок»).

На наш взгляд, гендер всегда важен для понимания событий, и при переводе нельзя им пренебрегать (конечно, есть исключения, но они чрезвычайно редки). Стремление переводчиков цепляться за словарную точность в ущерб гендерному содержанию образа ничем не оправдано. В каждом случае перевода наименования персонажа нашёлся хотя бы один пример, когда данная переводческая проблема была поставлена и успешно решена: Сурок вместо Сони, Шелкопряд вместо Гусеницы и т. д. Это показывает, что ресурсов русского языка вполне достаточно для решения

вопроса о передаче гендерных характеристик – главное, чтобы переводчик его не игнорировал.

Нельзя обойти стороной «Счастливого Принца» О. Уайльда. В первичном и вторичных текстах представлены разные птицы – Ласточка и Скворец. Ласточка из «Счастливого принца» изначально была мальчиком Swallow. Подобное родовое несоответствие осложняет жизнь переводчикам и отдаляет перевод от оригинала. Заменяя Скворца на Ласточку, не удаётся ограничиться лишь грамматическими и малыми лексическими правками: приходится менять и характеры, и манеру речи, и даже сам рассказ. «Счастливый принц» начинается с истории любви девочки-тростника Reed и мальчика-ласточки Swallow, в русском варианте – мальчика Тростника и девочки Ласточки. В тексте-оригинале автор-повествователь конкретен, чётко в создании характеристики второстепенных героев. Во вторичных текстах выявлены дополнительные, эмоциональные оттенки в оценке, функция которых – передать отношение автора к героям и героев к Счастливому Принцу.

Практика игнорировать авторскую гендерную идентификацию персонажа и исходить вместо этого из буквального русского перевода его именованья в некоторых случаях приводит к нелепым искажениям восприятия. Самый любопытный пример – это Багира из «Книги Джунглей» Р. Киплинга. «Багира в оригинале – это самец. Имя Bagheera мужское. В оригинале образ Багиры совершенно однозначен – это герой-воин, снабжённый ореолом романтического восточного колорита. Он противопоставлен Шер-Хану как благородный герой разбойнику. Отношения Багиры и Маугли в оригинале – это отношения мужской дружбы, а вовсе не материнства/сыновства» [цит.раб.: 4]. Превращение Багиры в самку делает ясный и прозрачный киплинговский сюжет затруднительным для понимания. Такая трактовка образа Багиры влечёт к искажению смысловой оси всей новеллы: при женском облике Багиры ревность Маугли меняет вектор, и вся психологическая драма приобретает непредусмотренные зоофильские тона.

Нельзя не подчеркнуть, что перевод Н. Дарузес (как и перевод «Винни-Пуха» Б. Заходера) воспринимается как канонический. Для того, чтобы перевести и Р. Киплинга и А.А. Милна с учетом гендерных особенностей, нужны столь же гениальные переводчики, иначе последние переводы заведомо проиграют (так называемая инерция первого впечатления).

«Наблюдения над гендерными сдвигами в русских переводах выявляют курьезную картину: во всех без исключения случаях сдвиг происходит в одном и том же направлении – мужской персонаж в переводе превращается в женский. Возникает искушение истолковать эту тенденцию как своеобразную советскую «политкорректность» – стремление разбавить мужскую компанию женскими образами. Но при разборе каждого конкретного случая за ним не обнаруживается специальных мотивировок – лишь механический подход к передаче имени персонажа и неотрефлексированность гендера как особой переводческой проблемой» [цит.раб.: 5].

В заключении хотелось бы привести примеры переводческих решений, в которых не игнорируется описанная проблема перевода гендера. Это переводы сказок А.С. Пушкина и Ш. Перро, где всегда сохраняется мускулинность/ фемининность во вторичном тексте (например, *бес* – *Lucifer*, *Чернавка* – *la Noiraude*, *Черномор* – *Noirfléau*; *La Barbe Bleue* – *Синяя Борода*, *Le Petit-Poucet* – *Мальчик-*

С-Пальчик и др.). Вопросы гендера занимают несколько страниц в воспоминаниях Норы Галь, автора вторичного текста «Маленького принца». Например, Роза в сказке – женщина; по-русски и по-французски род слова «роза» совпадает. Но в начальных строках, в которых цветок ещё не распустился и герой пока что не знает, что это роза? «Цветок» (*la fleur*) по-французски женского рода, и его женственность заявлена у А. де С. Экзюпери с самого начала. Автор перевода работает старательно над подбором слов, которые могли бы на это указать: “красавица”, “гостья”... [3: 222]. Для образа лисы переводчица выбирает Лиса и убедительно обосновывает свой выбор, заодно демонстрируя, как может меняться смысл текста от гендерной перестановки [цит.раб.: 227].

Таким образом, гендер: категория «маскулинность и фемининность» литературных персонажей являет собой специальную переводческую проблему, которая имеет место быть, заслуживает пристального внимания мастеров перевода и является вполне решаемой.

Список литературы

1. Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования: учебное пособие. Пермь: Пермский государственный университет, 2001. 167 с.
2. Белова Т.М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 270 с.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Международные отношения, 2001. С. 222.
4. Елифёрова М.В. Багира сказала... Гендер сказочных и мифологических персонажей англоязычной литературы в русских переводах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/eliferova-bagira-skazala.htm> (дата обращения 20.09.2019)
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: РССПЭН, 2004. 186 с.
6. Крылов И.А. Стрекоза и Муравей // И.А. Крылов. Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945–1946. Т. 3, с. 45.
7. Щербакова О. А. Оппозиция «маскулинность – фемининность» и её реализация в языке и речи // Вестник МГЛУ. Вып. 5 (665). 2013. С. 207–221.

OPPOSITION «MASCULINITY-FEMININITY OF CHARACTERS» IN THE TRANSLATION OF LITERARY TEXTS

K.A. Gudyi

Tver State University, Tver

The binary opposition "masculinity – femininity" of characters in the translation of literary texts is considered, namely their titles on the material of Russian, English and French languages.

Keywords: *gender, masculinity, femininity, translation.*

Об авторе:

ГУДИЙ Кристина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка, Тверской государственный университет, e-mail: Kristina.gudyi@mail.ru